

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.030

Возможности и риски внедрения зарубежного опыта криминализации коррупционных проявлений

Красноусов Сергей Дмитриевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Сибирский федеральный университет,
660025, Российская Федерация, Красноярск,
просп. им. газеты «Красноярский рабочий», 95;
e-mail: krasnousov@sfu-kras.ru

Марсова Вера Владимировна

Старший преподаватель кафедры английского языка,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева,
660049, Российская Федерация, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89;
e-mail: stargate2007@yandex.ru

Аннотация

Интерес к возможностям применения зарубежного опыта борьбы с коррупционными проявлениями в Российской Федерации обусловлен высокой значимостью противодействия коррупции для обеспечения национальной и государственной безопасности страны, а также взятыми Россией обязательствами по имплементации положений международных антикоррупционных конвенций. Целью исследования является выявление возможностей усовершенствования уголовного законодательства России путем внедрения зарубежного опыта криминализации коррупционных проявлений на примере таких государств, как КНР, Республика Корея, Япония. В рамках достижения поставленной цели решается ряд задач, в частности изучается опыт криминализации коррупционных проявлений в указанных странах, а также рассматриваются возможности внедрения данного опыта. В исследовании используется метод сопоставительного анализа антикоррупционных норм указанных стран Азиатско-Тихоокеанского региона по критериям возможности и целесообразности внедрения в России. Представляется, что результаты исследования могут оказаться полезными для доработки, модификации и усовершенствования российского уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции.

Для цитирования в научных исследованиях

Красноусов С.Д., Марсова В.В. Возможности и риски внедрения зарубежного опыта криминализации коррупционных проявлений // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 10А С. 277-287. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.030

Ключевые слова

Антикоррупционная норма, уголовное законодательство, внедрение норм, возможность внедрения, риск внедрения.

Введение

В современной России коррупция стала массовым явлением на всех уровнях государственного и муниципального управления, в частном бизнесе, в некоммерческой и общественной деятельности, а также в быту большинства российских граждан. Кроме того, в нашей стране коррупция уже давно стала составной частью практик в политике, экономике, общественной и частной жизни, а потому воспринимается как своеобразная норма осуществления взаимодействий и как совокупность реальных способов решений самых разнообразных проблем в этих сферах.

На уровне публичных высказываний должностных лиц разного уровня государственного и муниципального управления, частного бизнеса и общественной деятельности коррупция представляется отклонением в поведении. Возможность внедрения иностранного опыта в сфере противодействия коррупции является актуальной проблемой современного права. Тема коррупции в контексте международного права присутствует в работах таких исследователей, как А.И. Коробеев, А.Н. Тарбагаев, Н.В. Щедрин, С.Д. Красноусов, Е.Ю. Антонова, Л.Н. Смирнова и др. Интерес к данной теме обусловлен высокой значимостью противодействия коррупции для обеспечения национальной и государственной безопасности России, а также взятыми Россией обязательствами по имплементации положений международных антикоррупционных конвенций.

Противодействие коррупции в современной РФ, с учетом законодательного определения понятия, нацелено прежде всего на привлечение лица к уголовной ответственности. Процесс криминализации подобных деяний имеет свою специфику. В связи с этим представляется интересным изучение различных возможностей усовершенствования уголовного законодательства РФ в части противодействия коррупционным проявлениям, в частности путем заимствования полезного опыта борьбы с коррупцией в зарубежных странах. В данной статье рассматриваются возможности и риски внедрения опыта криминализации коррупционных проявлений в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (КНР, Японии, Республике Корея). Под криминализацией нами понимается наличие того или иного деяния в исчерпывающем перечне Особенной части УК (если деяние там присутствует, следовательно, оно криминализировано). Выбор стран обусловлен сходством уголовного законодательства с российским (КНР) и, напротив, различием (Япония, Республика Корея).

Основная часть

Поскольку УК КНР имеет значительные формальные и содержательные сходства с УК РСФСР (и РФ как ее правопреемницей), начнем анализ именно с него. Так, в КНР преступлениями признаются только те деяния, которые перечислены в УК КНР, возможность рассматривать внедрение китайского опыта криминализации коррупционных проявлений базируется в том числе и на этом сходстве, а также на формальном сходстве с нормами УК РФ в части признаков объективной стороны. Последняя выбрана нами в качестве базового критерия сопоставительного анализа российских и зарубежных норм, поскольку иные элементы состава

преступления (объект, субъект и субъективная сторона) могут существенно различаться в российском и зарубежном уголовном праве. Кроме того, главы зарубежных УК не всегда характеризуют объект преступления. Например, в УК КНР «Коррупция и взяточничество» и «Должностные преступления» – это разные главы. В свою очередь, глава 9 «Должностные преступления» содержит ряд статей (например, ст. 399-401), которые имеют сходные по субъекту и объективной стороне нормы в УК РФ, однако эти нормы присутствуют в главе «Преступления против правосудия». Так, ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) и ст. 397 УК КНР сходны практически во всех частях, при этом корыстный мотив рассматривается в УК КНР как квалифицирующий признак, тогда как в УК РФ это альтернативный признак простого состава. Отметим, что нормы, предусмотренные ст. 285 УК РФ, охватывают также ст. 385, 387 УК КНР. Ст. 385 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за получение / незаконное затребование имущества третьих лиц государственными служащими с использованием служебного положения, ст. 387 УК КНР – за те же деяния, совершенные юридическими лицами (далее – ЮЛ). Не следует путать данный институт с соучастием, где каждый соучастник рассматривается в отдельности как физическое лицо (далее – ФЛ): в случае с ответственностью ЮЛ уголовной ответственности и наказанию подлежит ЮЛ как единое целое. Вопрос о внедрении уголовной ответственности для ЮЛ в РФ является дискуссионным. На наш взгляд, такое внедрение является нецелесообразным. Подвергнуть ЮЛ штрафному взысканию можно и в рамках КоАП РФ, а наказания, присущие исключительно уголовному закону, например лишение свободы или смертная казнь, для ЮЛ априори невозможны, они будут назначаться ФЛ сообразно его (их) роли в совершении преступления.

Вышеуказанный пример, на наш взгляд, показывает нецелесообразность объединять рамками уголовного закона ответственность для, например, руководителя организации как ФЛ и самой организации как ЮЛ. Квалифицированный состав преступления, предусмотренного ст. 384 УК КНР, содержит признак изначального предназначения противоправно израсходованных средств на расходы социального характера, ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС), а также «оказание иной экстренной помощи». Отметим, что понятие «иной экстренной помощи» охватывает рядом стоящие понятия «помощи во время стихийных бедствий, для служб оперативного реагирования, для принятия предупредительных мер против паводков». Для внедрения данного признака, в том числе и в качестве квалифицирующего, в состав преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, либо вынесения данного признака как криминообразующего для создания самостоятельной нормы видимых препятствий не наблюдается. Тем не менее возникшая таким образом часть статьи или статья УК РФ, скорее всего, будет иметь бланкетную диспозицию, поскольку нуждается в определении понятия ЧС, возможно, в перечне ЧС, перечне статей расходов, подпадающих под понятие социальных. Так, указанная норма УК КНР содержит такие виды социальных расходов, как «помощь малоимущим, переселенцам», т. е. перечень невелик. Если пойти по такому пути, то предполагаемый перечень видов социальных расходов будет непомерно широк либо критерии отбора останутся неясными. По данной аналогии возникает проблема необоснованного расширения квалифицирующих признаков (если следовать принципу вышеуказанной китайской нормы). Предположим, что в ч. 3 ст. 285.1 предусмотрен признак изначального предназначения (противоправно израсходованных должностным лицом) бюджетных средств на ликвидацию последствий ЧС, а равно на помощь социально незащищенным слоям населения (модель условная). Возникает вопрос: почему, например, не на устранение последствий

военного конфликта? Возникает риск бесконечного увеличения количества норм по данному признаку (предназначение средств).

Состав, предусмотренный ст. 385 УК КНР, представляет интерес, так как содержит такой признак, как «имущество третьих лиц», а также «вознаграждение», полученное незаконно. Можно предположить, что в данном случае речь идет об отсутствии взяткодателя, но тогда наличествует состав иного преступления (иных преступлений). Представляется, что в данном составе взяточничества взяткодатель передает взяткополучателю предмет взятки, который принадлежит не взяткодателю, а иным лицам (либо государству), вместе с тем указанные деяния расцениваются УК КНР как взяточничество. Вероятно, для китайского общества подобный тип социально неприемлемого поведения является актуальным, находя отражение в УК. С точки зрения российского уголовного права возможность передачи взяткодателем взяткополучателю предмета преступления, не принадлежащего самому взяткодателю, презюмируется; не имеет значения для квалификации деяния по данной норме, кому изначально принадлежал предмет взятки, является ли он собственностью взяткодателя, иного лица (иных лиц) или государства; при этом возможно наличие иных составов преступлений, помимо получения взятки.

Теперь рассмотрим нормы УК РФ, касающиеся коррупционных проявлений и предусмотренные главой 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». В УК КНР также присутствует данная категория преступных деяний, и предусматривается она ст. 163, 164 § 3 «Преступления, связанные с нарушением правил руководства компанией, предприятием» главы 3 УК КНР «Преступления, связанные с нарушением порядков социалистического рынка», соответственно, наличествует иной объект. В отличие от главы 8 «Коррупция и взяточничество», субъектом является не государственный служащий, а «работник либо руководитель компании/предприятия». Представляет интерес норма, предусмотренная ст. 166 УК КНР, поскольку не содержит аналогов в УК РФ. В составе присутствует ряд альтернативных признаков: 1) передача сверхприбыльных направлений хозяйственной деятельности данной организации в ведение своих родственников и друзей; 2) закупка у организаций, возглавляемых родственниками или друзьями, продукции по цене значительно выше рыночной или реализация организациям, возглавляемым родственниками или друзьями, продукции по цене значительно ниже рыночной; 3) закупка у предприятий, возглавляемых родственниками или друзьями, некачественной продукции. В российской практике подобные проявления обычно квалифицируются по совокупности ст. 160 УК РФ и ст. 285 УК РФ. Основываясь на легальном определении коррупции (см. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ), можем предположить, что вышеуказанные противоправные действия могут быть совершены в интересах в том числе родственников, а также друзей субъекта и, таким образом, подпадать под понятие коррупции. Безусловно, недопустимо ущемление интересов одних субъектов рыночных отношений ради других по причине их родственной или дружеской связи с лицом, занимающим определенное должностное положение, полезное в данной ситуации. Однако при рассмотрении возможности внедрения возникает ряд вопросов. Где проходят «границы родственности»? Кого признавать родственниками субъекта, а кого – нет? Отметим, что даже при «угрозе» ограничительного толкования законодатель может составить исчерпывающий перечень родственников. Гораздо более сложным представляется выработка критериев наличия «дружественных связей». В русском языке и культуре концепт дружбы носит многогранный характер. Как следствие, законодательно закрепленный признак дружбы будет являться оценочным. Любые попытки формализовать и законодательно закрепить признаки наличия дружбы в уголовном праве

неизбежно породят существенные сложности правоприменения и серьезно отразятся на выносимых приговорах.

Ст. 167-169 УК КНР предполагают ответственность для руководителя организации, если его действия или бездействие (например, халатное отношение), как умышленные, так и неосторожные, повлекли за собой криминообразующие последствия в виде серьезного ущерба государственным интересам либо банкротство или серьезные убытки. Нормы, сходные по смыслу с указанными, присутствуют в УК РФ: ст. 167 УК КНР является практически аналогом ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство), за исключением признака серьезного ущерба государству. Ст. 169 УК КНР, в свою очередь, коррелирует со ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями». Заметим, что в ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство» априори предполагается прямой умысел, однако специальная норма (в главе 22), предусматривающая ответственность за халатность руководителя, повлекшую банкротство ФЛ или ЮЛ, в УК РФ отсутствует, а наличествует ст. 293 «Халатность», которая находится в главе 30, следовательно, по смыслу, распространяется только на государственный сектор, в то время как все преступления в сфере экономики имеют только умышленную форму вины. Примечательно, что ст. 168 УК КНР предусматривает ответственность за проявление халатности в негосударственном секторе. Хотя данное преступление не носит коррупционного характера, оно является должностным, а потому считаем необходимым сказать несколько слов о нем. Вышесказанное позволяет говорить о необходимости внедрения специальной, самостоятельной нормы, предусматривающей ответственность для руководителя коммерческой или иной организации за халатность при наличии криминообразующего признака в виде таких последствий, как банкротство или крупные убытки (определяются относительно дохода предприятия). Наличие прямого умысла, присущего всем статьям главы 22, на наш взгляд, не является принципиальным.

Рассмотрим японские антикоррупционные нормы на предмет возможности их внедрения в РФ. Несмотря на дискуссионность вопроса об источниках уголовного права в Японии, в рамках статьи в качестве его источника рассматривается только уголовный кодекс, поскольку речь идет о внедрении данного опыта в РФ, а в ее правовом пространстве единственным источником уголовного права является УК РФ как совокупность уголовных законов (и в исключительных случаях Конституция РФ). В УК Японии интересующие нас преступления помещены в главы 25, 38 – «Преступления, состоящие во взяточничестве» и «Преступления, состоящие в присвоении» соответственно. Как видим, данные главы объединяют преступные деяния не по объекту (как в УК РФ), а по объективной стороне. Ст. 193 УК Японии (злоупотребление присвоенной по должности властью со стороны публичного должностного лица) находится в главе 25 «Преступления, состоящие во взяточничестве», что представляется несколько необычным, поскольку состав указанного преступления не затрагивает взяточничество в принципе. Представляется, что ответ на данный вопрос заключается в переводе. Понятия «коррупция» и «взяточничество» в японском языке, в том числе юридическом, могут обозначаться одним и тем же иероглифом 汚職(おしよく) (oshoku), хотя существует более узкий по значению термин «взяточничество» – 贈収賄(ぞうしゅうわい) (zoshuwai), вместе с тем отметим, что пределы точности в разграничении понятий (и переводов) коррупции и взяточничества весьма условны (так как этимологически связаны с понятиями продажности, нравственного падения, растреления, гниения) [Большой словарь японского языка, www; Русско-японский онлайн-словарь «Yakuru», www; Русско-японский словарь «Warodai», www; Minna no Nihongo, www]. По нашему мнению, преступные деяния, предусмотренные главой 25 УК

Японии, с точки зрения русского языка и права целесообразнее назвать преступлениями, состоящими в коррупции. Так, ст. 193 УК Японии соответствует ст. 285 УК РФ в своей основе, при этом, однако, отсутствует признак мотива, в российской норме он заключается в корысти либо личной заинтересованности.

Нормы, предусмотренные ст. 195 («Насилие либо оскорбительное или дурное обращение со стороны особо публичного должностного лица») и ст. 196 «Причинение смерти или телесных повреждений в результате злоупотребления присвоенной по должности властью со стороны особого публичного должностного лица» УК Японии представляют немалый интерес. Обратимся к формулировке ст. 195 УК Японии: «Если лицо, осуществляющее судебские, прокурорские или полицейские полномочия либо действующее при этом в качестве помощника¹, при исполнении своих служебных обязанностей употребляло насилие или допустило оскорбление или *дурное* обращение с обвиняемым по уголовному делу или *другим* лицом...». Сама по себе данная норма не содержит аналогов в УК РФ: присутствуют приблизительно сходные варианты, общие нормы, например ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», а также ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», однако для данного преступления обязательным является наличие корыстного мотива (личной заинтересованности), который вполне может и отсутствовать, либо статьи, предусмотренные главой 16 «Преступления против личности». Поводом для внедрения данной нормы мог бы послужить тот факт, что лицо, официально обвиняемое в совершении преступления, а тем более находящееся под стражей, априори находится в зависимости от лиц, наделенных полномочиями по его содержанию, охране, конвоированию, а также ведению следствия (дознания), и его возможности защитить свое достоинство, здоровье и жизнь заведомо ограничены. Вышесказанное влечет риск злоупотребления полномочиями указанными лицами, в том числе и коррумпированными. Вместе с тем при рассмотрении возможности внедрения данной нормы следует, на наш взгляд, избегать «размытой» формулировки «дурное обращение», так как представление каждого индивида о «дурном» весьма относительно и носит оценочный характер, зачастую без опоры на здравый смысл и общепринятые социальные нормы. Необходимо также обратить внимание на формулировку «дурное обращение с обвиняемым... или *другим* лицом», поскольку не вполне ясно, кто понимается под другим лицом (подчиненные, подозреваемые, осужденные или все-таки любой человек без исключения), и представляется, что при решении вопроса о внедрении его уместно было бы заменить на понятие «гражданин», как это принято в УК РФ при обозначении любого человека, при этом расширив перечень потерпевших категорией «осужденные» во избежание ограничительного толкования, так как по своим признакам они близки к обвиняемым. Введение вышеупомянутой нормы сопряжено с риском получения необоснованно большого количества требований возбудить уголовное дело, а жалобы на следователей (оскорбление, оказание давления и т. д.) и на сегодняшний день не являются редкостью. Практически любое слово, имеющее негативный окрас, неверно подобранное, сказанное не той интонацией, при желании можно расценить как оскорбление, неуважение и тем более как «дурное» обращение ввиду оценочности данных категорий (как и всего, что связано с межличностными отношениями), чем могут воспользоваться как потенциальные потерпевшие, так и защитники (при должной заинтересованности последних). С другой стороны, при отсутствии у обвиняемого

---

¹ В том числе конвойные.

(осужденного) мотивированного защитника внедрение данной нормы по большей части будет лишено смысла. Ст. 196 УК Японии представляет собой квалифицированный состав преступлений, предусмотренных двумя предыдущими статьями. Заметим, что многие статьи УК Японии не делятся на части, а квалифицированные составы преступлений вынесены в самостоятельные статьи.

УК Японии предусматривает четыре статьи, так или иначе описывающие получение взятки. Любопытной, отличной от российских, представляется одна из норм, закрепленных в ст. 197 УК Японии: «Тот, кто, намереваясь стать публичным должностным лицом или арбитром, становится публичным должностным лицом или арбитром при условии, что дает согласие на просьбу, предъявляемую ему ввиду той деятельности, которой он должен быть облечен, и за это принимает или требует взятку или соглашается на обещанную взятку...». Данная норма интересна теоретически (безотносительно возможностей внедрения) из-за субъекта преступления – лица, которое не является должностным, а собирается им стать и получает такую возможность от лица, в чьих интересах совершит коррупционное деяние, когда заступит на должность, причем, в соответствии с диспозицией статьи, обязательным признаком является последствие в виде получения субъектом указанной должности. Если говорить о российском уголовном законодательстве, то данная норма, по нашему мнению, не может быть внедрена, по крайней мере, в том виде, в котором она находится в УК Японии. В рамках процесса доказывания по уголовному делу установить причинно-следственную связь между получением субъектом определенной должности и действием (бездействием) заинтересованного лица (лиц), которое повлекло получение должности субъектом преступления, в большинстве случаев представляется крайне затруднительным, даже при ее очевидности с точки зрения этики и логики. Внедрение данной нормы потребовало бы внесения изменений в уголовное законодательство РФ в части определения субъекта должностных преступлений, а также в статьи УПК РФ, затрагивающие вопросы доказывания. Кроме того, в данной норме наблюдается логическое несоответствие: благодаря действиям некоего лица (лица А) другое лицо (лицо Б) получает должность и совершает действие, заранее «обещанное» лицу А в обмен на возможность получить должность, и при этом просит, требует, берет взятку. Разве способствование получению должности уже не есть своего рода «взятка авансом»? Подобная путаница исключает наличие возможности внедрения данной нормы в РФ, за исключением части требования и/или получения взятки существующим должностным лицом, а получение взятки на сегодняшний день предусмотрено УК РФ.

Ст. 197.2 УК Японии (передача взятки третьему лицу) во многом сходна со ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве), за исключением следующего: в УК РФ присутствует формулировка «иное способствование взяткодателю/взяткополучателю»; представляется, что японское «требование» можно подразумевать под иным способствованием, т. е. под способствованием получению взятки (взяткополучателем). Повторное получение взятки рассматривается УК Японии как квалифицированный состав и выносится в отдельную норму. Также в УК Японии квалифицированный состав получения взятки представляет собой следующая норма: «Бывшее публичное должностное лицо или арбитр, которые получают или требуют взятку либо соглашаются на обещанную взятку в связи с тем, что они в бытность свою на службе приняли просьбу и совершили по службе неправомерное действие или не совершили правомерное действие...». Как видно, субъект обладает особенностью: он более не должностное лицо, а являлся им раньше и в тот период совершил нечто противоправное, за что получает взятку теперь, когда он более не является должностным лицом. В соответствии с российским законодательством, данное лицо понесло бы ответственность за то деяние, которое оно

совершило, будучи должностным лицом (при условии, что срок давности не истек), но не за получение взятки, поскольку, во-первых, получить взятку может только действующее должностное лицо, а такого субъекта, как «бывшее должностное лицо», в российском уголовном праве нет, а во-вторых, «увязать» полученный предмет взятки с деянием, совершенным в прошлом, крайне проблематично, так как сложно определить, за что и почему получены конкретные денежные средства, иные материальные ценности, услуги и т. д. [Яни, 2014, www]

Перейдем к рассмотрению норм УК Республики Корея, во многом сходного с УК Японии как по форме, так и по содержанию. Далее будут рассмотрены только те нормы, регламентирующие ответственность за коррупционные проявления, которые не аналогичны японским. Так, ст. 132 УК Республики Корея (получение взятки через добрые услуги) содержит следующую формулировку: «Должностное лицо, которое, воспользовавшись своим служебным положением, получит, потребует или даст обещание получить взятку за предоставление добрых услуг путем решения вопросов, входящих в компетенцию другого должностного лица...». Данный состав коррелирует с получением взятки за совершение заведомо незаконных действий, предусмотренным ч. 3 ст. 290 УК РФ, так как субъект данного преступления превышает должностные полномочия, выполняя действия, не входящие в его компетенцию.

Ст. 133 УК Республики Корея (предложение взятки и тому подобные действия) содержит альтернативные деяния, среди которых присутствует демонстрация желания дать взятку («лицо... демонстрирует желание вручить взятку»). Внедрение данного признака преступления в РФ крайне проблематично, поскольку при отсутствии попытки передачи предмета взятки взяткополучателю доказать наличие состава преступления практически невозможно ввиду того, что определить умысел лица (что является первостепенным для вменения деяния) не представляется возможным (купура «случайно» выпала из сумочки на стол следователя и т. д.), а под «размытое» понятие демонстрации желания можно подвести очень многое – любые слова, шутки и т. д., и в подобного рода нововведении кроется возможность для произвола среди сотрудников органов следствия и дознания, а также иных заинтересованных лиц, например конкурентов, завистников и др. [Марсова, 2016]

Глава 32 УК Республики Корея «Преступления, связанные с изнасилованием и бесчестным поведением» содержит, на наш взгляд, заслуживающую внимания норму, предусмотренную ст. 303 (половое сношение при злоупотреблении профессиональным положением). Данное преступление из-за своего основного непосредственного объекта (половая свобода), не подпадает под категорию коррупционных, однако, основываясь на определении понятия коррупции, можно говорить, например, о разновидности злоупотребления полномочиями, отталкиваясь от признака использования служебного положения в личных интересах (а совершение сексуального насилия с любой целью является личным интересом); но не стоит забывать о том, что коррупция предполагает получение выгоды имущественного характера в качестве цели. Возможно ли в данном случае говорить об «имущественном характере»? Представляется, что нет, хотя вопрос того, что является имуществом, услугой, имущественным правом, остается дискуссионным в юридической науке. Кроме того, субъект преступления, предусмотренного ст. 303 УК Республики Корея, будет нести ответственность по ч. 1 ст. 131 УК РФ независимо от наличия или отсутствия отношений подчинения с потерпевшей, вместе с тем представляется возможным и уместным включить в ст. 131 УК РФ признак нахождения потерпевшей в подчинении у субъекта в качестве квалифицирующего, поскольку он (признак) делает потерпевшую заведомо стесненной в возможностях оказать сопротивление.

Говоря об уголовно-правовом противодействии коррупции в Республике Корея, считаем

необходимым указать на ч. (§) 2 ст. 355 УК Республики Корея (растрата имущества и злоупотребление доверием), а также ст. 356 (полностью дублирующую предыдущую норму), которые предусматривают использование лицом (управляющим чьим-либо бизнесом) своего служебного положения для получения прибыли, при злоупотреблении доверием третьего лица (которое должно получать прибыль). Обязательным является последствие в виде увольнения указанного выше «обманутого» лица, хотя данное лицо может и осознавать происходящее, но в силу подчиненного положения и/или испуга не иметь возможности воспрепятствовать совершению деяния. Данная норма, как кажется, имеет перспективу внедрения в РФ при обязательном условии переформулирования диспозиции таким образом, чтобы она была безусловно понятна носителям русского языка. Например, «управляющее бизнесом другого лица» следует заменить на перечень должностей, занимаемых в организации, владельцем, учредителем или директором которой является это самое «другое лицо». Также представляется важным уточнить, кем является уволенное (впоследствии) лицо – коллегой субъекта, его подчиненным и т. д.

Заключение

Изучение антикоррупционных норм стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволило сделать вывод о том, что усовершенствование уголовного законодательства РФ посредством внедрения зарубежного опыта криминализации коррупционных проявлений в виде конкретных уголовно-правовых норм возможно, хотя предполагает возникновение ряда рисков. В частности, следует отметить тот факт, что значительная часть антикоррупционных норм коррелирует с соответствующими российскими нормами, а также с антикоррупционными нормами УК РФ. Вместе с тем внедрение некоторых норм может рассматриваться как один из способов усовершенствования уголовного законодательства РФ.

Библиография

1. Большой словарь японского языка. URL: <http://e-lib.ua/dic/>
2. Красноусов С.Д. Актуальные проблемы международного сотрудничества РФ в борьбе с коррупцией в частном секторе // Материалы Всероссийской научной практической конференции студентов и аспирантов «Международная интеграция и право: современные проблемы». Красноярск, 2008. Ч. 1. С. 216-222.
3. Марсова В.В. Дифференциация уголовной ответственности за коррупционные проявления в странах АТР // Материалы Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектив свободный – 2016». Красноярск, 2016.
4. О противодействии коррупции: федер. закон Рос. Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19.12.2008; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 22.12.2008. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
5. Русско-японский онлайн-словарь «Yakuru». URL: <http://yakuru.net/search.aspx?w=%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>
6. Русско-японский словарь «Warodai». URL: <https://warodai.ru/lookup/index.php>
7. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 303 с.
8. Уголовный кодекс Республики Корея. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 137 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
10. Уголовный кодекс Японии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 226 с.
11. Яни П.С. Получить взятку может только должностное лицо // Законность. 2014. № 7. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/6623189/>
12. Minna no Nihongo. URL: <http://www.nihongo.aikidoka.ru/kanji.html>

The possibility and risks of using the foreign experience of criminalisation of manifestations of corruption

Sergei D. Krasnousov

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of criminal law,
Siberian Federal University,
660025, 95 im. gazety “Krasnoyarsky rabochy” av., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: krasnousov@sfu-kras.ru

Vera V. Marsova

Senior Lecturer at the Department of the English language,
Krasnoyarsk State Pedagogical University,
660049, 89 Ady Lebedevoi st., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: stargate2007@yandex.ru

Abstract

Nowadays corruption has become a common phenomenon at all levels of state and municipal administration, in private industries, non-profit and social activities and in most Russian people's daily lives as well. The interest in the possibility of using foreign experience of counteraction to corruption in the Russian Federation is considerable due to the high importance of combating corruption with a view to ensuring the national security of the country, as well as Russia's obligations to implement the provisions of international anti-corruption conventions. The research aims to identify possibilities to improve Russia's criminal law through using the foreign experience of criminalisation of manifestations of corruption and deals with such countries as China, the Republic of Korea and Japan. In order to achieve the goal, the authors of the article study the experience of criminalisation of manifestations of corruption in the countries mentioned above and consider the possibility of using it in the Russian Federation. They apply the method of comparative analysis of anti-corruption norms in China, the Republic of Korea and Japan according to the criteria of the possibility and expediency of their implementation in Russia. The results of the research seem to be useful for the improvement of Russian criminal law in terms of combating corruption.

For citation

Krasnousov S.D., Marsova V.V. (2019) *Vozmozhnosti i riski vnedreniya zarubezhnogo opyta kriminalizatsii korrupsionnykh proyavlenii* [The possibility and risks of using the foreign experience of criminalisation of manifestations of corruption]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (10A), pp. 277-287. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.030

Keywords

Anti-corruption norm, criminal legislation, implementation of norms, possibility of implementation, risk of implementation.

References

1. *Bol'shoi slovar' yaponskogo yazyka* [Great dictionary of the Japanese language]. Available at: <http://e-lib.ua/dic/> [Accessed 24/05/19].
2. Krasnousov S.D. (2008) Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva RF v bor'be s korruptsiei v chastnom sektore [Topical problems of international cooperation of the Russian Federation in the fight against corruption in the private sector]. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi prakticheskoi konferentsii studentov i aspirantov "Mezhdunarodnaya integratsiya i pravo: sovremennye problemy"* [Proc. Conf. "International integration and law: contemporary problems"], Part 1. Krasnoyarsk, pp. 216-222.
3. Marsova V.V. (2016) Differentsiatsiya ugovnoi otvetstvennosti za korruptsionnye proyavleniya v stranakh ATR [Differentiation of criminal liability for manifestations of corruption in Asia-Pacific countries]. *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Prospekt svobodnyi – 2016"* [Proc. Int. Conf. "Free prospectus – 2016"]. Krasnoyarsk.
4. *Minna no Nihongo*. Available at: <http://www.nihongo.aikidoka.ru/kanji.html> [Accessed 24/05/19].
5. *O protivodeistvii korruptsiii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 25.12.2008 № 273-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 19.12.2008: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.12.2008* [On counteraction to corruption: Federal Law of the Russian Federation No. 273-FZ of December 25, 2008]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ [Accessed 24/05/19].
6. *Russko-yaponskii onlain-slovar' "Yakuru"* [Yakuru Russian-Japanese online dictionary]. Available at: <http://yakuru.net/search.aspx?w=%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE> [Accessed 24/05/19].
7. *Russko-yaponskii slovar' "Warodai"* [Warodai Russian-Japanese dictionary]. Available at: <https://warodai.ru/lookup/index.php> [Accessed 24/05/19].
8. *Ugolovnyi kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Criminal Code of the People's Republic of China] (2001). St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.
9. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Koreya* [Criminal Code of the Republic of Korea] (2003). St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.
10. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996* [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ [Accessed 24/05/19].
11. *Ugolovnyi kodeks Yaponii* [Criminal Code of Japan] (2002). St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.
12. Yani P.S. (2014) Poluchit' vzyatku mozhet tol'ko dolzhnostnoe litso [Only an official can receive a bribe]. *Zakonnost'* [Legality], 7. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/6623189/> [Accessed 24/05/19].